

Толкование права: история становления (с акцентом на уголовно-правовую интерпретацию)

Аннотация. В статье исследуются закономерности исторического развития толкования как интеллектуальной деятельности через синергию правового и религиозного знания. Автором делается ряд важных выводов, представляющих собой новый взгляд на хронологические рамки возникновения толкования и разработки его методологического аппарата, а также выявляется ряд закономерностей, связанных с его последующим многовековым развитием. К числу последних относятся, в частности: 1) приоритет буквальной интерпретации над «не буквальной» как в области богословия, так и в нормативном толковании; 2) политизированность и «телеологичность» толкования в широком смысле; 3) использование в правовом поле аналогии как средства расширения социального регулирования там, где прибегать к толкованию невозможно или нецелесообразно. Для достижения целей исследования автором использованы теоретические методы диалектического анализа и синтеза, методы обобщения и сравнительного правоведения (в основном в ретроспективном (историческом) аспекте), формально-юридический метод.

Ключевые слова: право; толкование права; экзегетика; богословие; уголовное право; аналогия; герменевтика; интерпретация; римское право; история толкования; нормативное толкование.

Для цитирования: Ларионов П. А. Толкование права: история становления (с акцентом на уголовно-правовую интерпретацию) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 99–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.099-110.

Interpretation of Law: History of Formation (with an Emphasis on Criminal Law Interpretation)

Pavel A. Larionov, Master of Laws (Ural State Law University named after V.F. Yakovlev), LLM
(University of Illinois, College of Law), Champaign, Illinois, United States
larionov2299@gmail.com

Abstract. The paper examines the patterns of historical development of interpretation as an intellectual activity through the synergy of legal and religious knowledge. The author makes a number of important conclusions, representing a new look at the chronological framework of the emergence of interpretation and the development of its methodological apparatus, and identifies a number of patterns associated with its subsequent centuries-long development. The latter include, in particular: 1) the priority of literal interpretation over «non-literal» interpretation both in the field of theology and in normative interpretation; 2) the politicization and «teleological» nature of interpretation in the broad sense; 3) the use of analogy in the legal field as a means of expanding social regulation where it is impossible or inappropriate to resort to interpretation. To achieve the objectives of the

© Ларионов П. А., 2024

* Ларионов Павел Алексеевич, магистр права (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева), LLM (University of Illinois, College of Law)
Пенсильвания ав. 504Е, Шампейн, Иллинойс, США, 61820 (504 E Pennsylvania Ave, Champaign, Illinois, United States 61820)
larionov2299@gmail.com

study, the author used theoretical methods of dialectical analysis and synthesis, methods of generalization and comparative law (mainly in the retrospective (historical) aspect), and the formal legal method.

Keywords: law; interpretation of law; exegesis; theology; criminal law; analogy; hermeneutics; interpretation; Roman law; history of interpretation; normative interpretation.

Cite as: Larionov PA. Interpretation of Law: History of Formation (with an Emphasis on Criminal Law Interpretation). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):99-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.099-110.

В юридической доктрине принято считать, что «основоположником теории толкования»¹ или «первым ученым, систематизировавшим его методы»² являлся Ф. К. фон Савиньи, чьи работы, датированные XIX в., безусловно, внесли огромный вклад в развитие интерпретации. Однако эта точка зрения исторически неточна. Разработка методологического аппарата интерпретации берет свое начало почти за два с половиной тысячелетия до появления на свет работ немецкого философа, а потому «отрезание» столь существенного исторического периода попросту непозволительно. Как будет показано далее, именно анализ этого периода позволяет сделать ряд важных выводов о происхождении толкования как интеллектуальной деятельности (вне привязки к конкретному толкуемому материалу), причинах и закономерностях его развития, единстве интерпретационных проблем и их решений сквозь завесу времени.

В качестве предварительного замечания оговоримся, что толкование уголовного закона во многом воспроизводило общие интерпретационные закономерности, а до того вообще не выделялось в отдельную методологическую группу. Как будет показано далее, первые особенности толкования уголовно-правовых запретов появятся лишь в первой половине XIX в., а потому для исчерпывающего их понимания необходимо проследить развитие интерпретации как общеправового явления.

Теория толкования права развивалась крайне медленно. Интерпретация, как справедливо отмечает Х. И. Гаджиев, «это в первую очередь аргументы»³, а потому с древности ее методология сводилась к изобретению наиболее убедительной конструкции, связывающей регулирование с ситуацией, которую оно должно разрешить. Подобный ораторско-казуистичный подход, единственным содержательным наполнением которого выступало субъективное представление толкователя о справедливости, не требовал от последнего создания универсального инструментария. Объясняется это тем, что суть первых правовых положений прецедентна — это либо казуальные писанные правила, которые уже описывают саму ситуацию и порядок ее разрешения, а потому не требуют дополнительных умозаключений в отношении их конструкции, либо обычаи, которые по своей неписаной природе и широте распространения допускают различные понимания, а оттого легче поддаются «истолкованию» под нужды конкретного случая.

На чем тогда строится наша гипотеза о зарождении теории толкования еще в период до нашей эры? Косвенный ответ на этот вопрос дал уже упомянутый Ф. К. фон Савиньи, который писал, что «толкование законов не отличается от толкования любой другой выраженной мысли (как, например, это практикуется в филологии)»⁴. Перефразируя философа, скажем, что методы толкования не имманентны лишь

¹ Матвеев А. Г. Защита права на наименование средства массовой информации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 9. С. 10.

² Гаджиев Х. И. Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 5.

³ Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 6.

⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 391.

нормативной интерпретации, а в определенном смысле универсальны в отношении сходных источников. Таким, безусловно, является религия как мощнейший социальный регулятор эпохи, с которой, по нашему мнению, началось формирование теории толкования.

Религиозная интерпретация (экзегетика), как будет показано далее, значительно быстрее разработала собственный интеллектуальный арсенал, необходимый для понимания священных текстов. Предполагаем, что одна из причин этого — содержательное различие между писанием и правовыми нормами. Последние, как указывает один из юрико-технических принципов, должны быть ясными и недвусмысленными, тогда как религиозные произведения, а в особенности священные книги, как будто исходят из прямо противоположного, специально избирая такую манеру повествования, которая предполагает множество интерпретаций различной степени глубины. Экзегеты времен Ветхого Завета просто не могли не выработать методики, которые бы позволили им понять, а затем и объяснить многослойную религиозную истину, сокрытую в тексте Писания. При этом цели толкования священных текстов, очевидно, весьма сходны с целями нормативной интерпретации — выработать механизм социального регулирования, провести водораздел между ожидаемым и нежелательным поведением и снабдить широкий круг людей принципами совместного общежития. Различие же между экзегетикой и толкованием права, которое мы уже вскользь обозначили выше, состоит скорее в стилистических особенностях предмета толкования, его имманентных свойствах неоднозначности (или, наоборот, ясности) и способе закрепления социальных норм (казуистическое изложение по формуле «если... то...» либо от-

крытое повествование, требующее отдельного авторского осмысления и вычленения этих норм путем построения логических цепочек).

Из приведенного гипотетического обобщения следует, что на первоначальных этапах развития толкования как интеллектуальной деятельности (без привязки к конкретному материалу) авторство его методологического аппарата во многом принадлежит религиозным деятелям, а не юристам. В этой связи всё дальнейшее изложение нами будет построено на основе синергии религиозной и правовой мысли. Последняя, несмотря на отсутствие заметных подвижек в области методологии на первоначальных этапах, тем не менее играла значимую роль в решении других фундаментальных вопросов — изучала место толкования в государственно-правовом механизме и анализировала его полезность.

Зарождение и развитие экзегетики. История религиозного толкования в большинстве профильных источников связывается с именем Ездры (Эзры) — священника, считающегося «основоположником раввинистического иудаизма»⁵. В разных переводах книги Неемии (8:8) вклад Ездры в интерпретацию Слова Божьего описывается неодинаково: «И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное»⁶, «Они читали из книги Божьего Закона, поясняя и истолковывая, чтобы народ мог понимать прочитанное»⁷, «Книгу, закон Божий, читали внятно, присоединяли толкование, поясняли прочитанное»⁸. Принято считать, что именно Ездра был первым толкователем Библии, а потому историю мирового толкования можно отсчитывать с его работ⁹. Тем не менее есть предположения, что толкования священного писания встреча-

⁵ Эзра // URL: <https://eleven.co.il/bible/hagiographa/14988/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁶ Неемия 8. Русский синодальный перевод (Russian Synodal Version (RUSV)) // URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁷ Неемия 8 глава // URL: <https://bible.by/nrt/16/8/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁸ Книга Неемии. Архим. Макария // Православное обозрение. М. : Университетская типография, 1867. Т. 24. С. 166.

⁹ Верклер Г. А. Герменевтика : Принципы и процесс толкования Библии. Schaumburg : Gospel Literature Services, 1995. С. 38.

лись задолго до Ездры, однако существенных подтверждений тому не обнаружено¹⁰.

Толкование Ездры сводилось к зачитыванию положений Писания и их последовательному переводу с «подлинного еврейского языка» на «халдейский»¹¹. Несмотря на это, существо его интеллектуальной деятельности сообразно сегодняшнему представлению о толковании — Ездра в своей роли религиозного глашатая *уяснял* и *разъяснял* положения религиозного текста, комментируя неперебиваемые или особо сложные его части.

В то же время методологической наполненностью такое толкование не отличалось. Существенной его частью был адаптированный перевод как передача оригинального смысла средствами другой языковой системы. Толкование же еще с начала времен стремилось не только передать буквальный смысл произведения, но и видоизменить его — расширить или сузить в зависимости от задачи, поставленной перед толкующим субъектом. Именно от того, что деятельность экзегета требовала большего ораторского, логического, философского и религиозного искусства, он нуждался в развитом интеллектуальном инструментарии, который бы обеспечил ему достижение поставленных целей.

Подобный инструментарий начал разрабатываться много позднее времен Ездры, но уже к началу новой эры фактически приобрел очертания современных методов толкования, какими их зафиксировал Ф. К. фон Савиньи. Наиболее примечательны среди них толкования священных текстов аккадских и иудейских экзегетов, датированные I в. до н. э. — I в. н. э. Уже к этому времени первые активно использовали аналог грамматического толкования,

анализируя толкуемые слова не в их лингвистическом единстве, а как составное от независимых слогов, имевших в аккадском языке самостоятельный смысл¹². Как результат подобного филологического подхода, интерпретатор получал «буквальный» или «небуквальный» результат, разницу между которым усматривали уже тогда¹³.

Дальше аккадских экзегетов в вопросе методологии толкования продвинулись раввины, которые не просто предпочитали толковать писание «не буквально», но, основываясь на божественном происхождении текста, утверждали, что «каждое повторение, метафора, параллелизм, синоним, слово, буква и даже конфигурация букв имеют сокрытое значение»¹⁴. Помимо уже известного грамматического (филологического) метода, Рабби Гиллель заложил основы систематического толкования, предложив «сравнивать мысли, слова, фразы, обнаруженные более чем в одном тексте, [устанавливать] взаимоотношение общих принципов с отдельными примерами и контекстом»¹⁵.

Особо примечательно, что в тот же период начало формироваться и телеологическое толкование, которое, как предполагается в зарубежной доктрине¹⁶, появилось лишь в XIX в. благодаря комплексу английских прецедентов во главе с «Грей против Пирсона» (Grey v. Pearson, 1857)¹⁷. Если сравнить современные представления о телеологическом толковании с практикой древнееврейских экзегетов, можно сказать, что древнееврейские экзегеты исходят из необходимости придавать тексту то значение, которое соответствует цели его написания. Раввины за такую цель принимали «пророческую силу текста», предполагая, что «все написанное древними пророками имеет скрытое пророче-

¹⁰ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Библейская энциклопедия. М. : Локид-Пресс ; Рипол Классик, 2005. С. 237.

¹² Gabbay U. Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (дата обращения: 17.10.2023).

¹³ Gabbay U. Op. cit.

¹⁴ Gabbay U. Op. cit.

¹⁵ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Driedger E. A. Construction of Statutes. Toronto: Butterworths, 1983. P. 1.

¹⁷ Grey v. Pearson (1857) 6 HLC 61, Lord Wensleydale.

ское значение и должно в недалеком будущем исполниться через деятельность их общин»¹⁸. Интерпретируя текст таким образом, экзегеты стремились объяснить события произошедшие или будущие сквозь призму религиозного текста по формуле «это нынешнее явление есть исполнение того древнего пророчества», что со всей очевидностью требовало существенных интеллектуальных затрат¹⁹.

Продолжая превозносить «небуквальное» толкование над буквальным, Филон Александрийский писал, что «буквальное значение Писания рассчитано на уровень понимания духовно незрелых людей, а аллегорическое значение — для мудрецов»²⁰. Причем основанием для перехода к аллегорической интерпретации являлось предположение, что буквальный смысл является «недостойным Бога»²¹. Содержание описанной аллегорической интерпретации сводится к корректированию смысла толкуемого текста под текущие «общественные настроения» и представления о «достойном» и «недостойном» смысле, который по своей природе является не чем иным, как субъективной оценкой текущей церковной доктрины. Отсюда закономерным является предположение, что в период I в. до н. э. — I в. н. э. свое зарождение получила и эволютивная интерпретация, знакомая отечественному юристу по судебным решениям Европейского Суда по правам человека.

Новый виток религиозного толкования связывается с личностью Иисуса Христа, который отвергал аллегорические методы и наказывал придерживаться буквального смысла: «И еще многое, подобное этому, совершаете вы, подменяя слово Божье нелепыми обычаями вашими, которые вы сами же и установили»²². Именно со времен Христа началась традиция приори-

тета буквальной интерпретации, подхваченная апостолами и переживавшая серьезные пертурбации вплоть до XIX в., когда большинство экзегетов согласилось с заветами Мартина Лютера и Кальвина, считавших аллегорическое («небуквальное») толкование «выдумкой Сатаны, имеющей целью затемнить смысл Писания»²³. Кальвинистский подход даже выработал интерпретационную формулу, применяемую до сих пор, — «Писание толкуется Писанием»²⁴. Транспонируя эту максиму на язык методов интерпретации, ее автор призывал выявлять буквальный смысл религиозных текстов, используя систематический метод.

Сильно позднее, в IV–V вв., тексты начали толковать «согласно фактам истории»²⁵. Представители Сирийско-Антиохийской школы использовали эту экзегетическую формулу для обоснования роли исторического контекста описываемых в тексте событий для их верного понимания. Сомнительно, однако, что первое упоминание об историческом методе интерпретации действительно свидетельствует о его возникновении столь позднее остальных методов, тем более что еще в I в. экзегетика Иисуса Христа с таким же уважением относилась к историческим фактам, закрепленным в Ветхом Завете, используя их для интерпретации действительной воли Божьей. Тем не менее заслуга Антиохийской школы во многом в «напоминании» религиозному миру о необходимости синергетического применения исторических и религиозных знаний в рамках любой интерпретации, потому как события и персоналии, упомянутые в Писании, считаются реально существовавшими. Разрыв же связи церковного и религиозного учения, а равно волюнтаризм толкователей, подрывает авторитет обеих версий.

¹⁸ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 43.

²⁰ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 44.

²¹ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 44.

²² Евангелие от Марка, глава 7, стих 13 // URL: <http://superbook.org/LUT/MK/mk7.htm> (дата обращения: 12.10.2023).

²³ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

²⁴ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

²⁵ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

В дальнейшем церковная экзегетика развивалась более степенно, разрабатывая всё новые и новые толкования с уже сложившимся интеллектуальным инструментарием, а потому для целей настоящего исследования его изучение представляется излишним. Главным выводом по результатам проведенного анализа является закономерное предположение о том, что методологический аппарат интерпретации во многом разработан и заимствован у церковных экзегетов, выделявших еще с I в. до н. э. грамматический (филологический), систематический, телеологический, исторический и даже эволютивный методы толкования, а также подразделявших полученные с помощью толкования результаты как минимум на буквальное и небуквальное.

Становление и развитие толкования права.

Как было отмечено выше, толкование нормативных положений на первоначальных этапах не задумывалось над методологией этой интеллектуальной деятельности. Более того, по свидетельству Аристотеля, в Древней Греции VI–VII вв. до н. э. толкование законов отсутствовало, а нормы права, вызывавшие споры, попросту «убирали из Ареопага»²⁶. Дискурс, посвященный интерпретации, не мог возникнуть в ситуации отказа от признания ее ценности.

Веком позднее в Древнем Риме, только что принявшем Законы 12 таблиц, толкование вновь созданных нормативных предписаний было крайне необходимо. Как писал Т. Бевер еще во второй половине XVIII в., «законы хотя и были единственным источником древнеримского права, но их поразительная неясность делала их практически бесполезными»²⁷. Развивая эту

мысль, Р. Зом пишет: «Несмотря на то что даже по прошествии тысячелетия юридическая сила Законов 12 таблиц осталась неприкосновенна, в конце этого периода, когда был издан “Свод Юстиниана”, ни одно их положение не сохранило своего буквального значения»²⁸. Цели устранения неясности законов служили понтифики — «первые римские юристы»²⁹, обладавшие «монополией на толкование XII таблиц»³⁰. Значение толкования понтификов сводилось к абсолютному — их разъяснения и советы использовались как частными лицами в рамках юридических консультаций при составлении исков, так и самими магистратами, разрешавшими судебные споры³¹. Понтифик, а следовательно, и его толкование являлись, таким образом, неотъемлемой частью правовой системы, без которой не мыслилась ни судебная деятельность, ни развитие права в целом.

В то же время, несмотря на позицию И. А. Покровского, который утверждал, что «в коллегии [понтификов] вырабатывались правила и приемы толкования»³², иных подтверждений этому доводу не обнаружено. Гораздо ближе к конвенциональной точке зрения Д. В. Дождев, который пишет, что понтифики «распространяли значение слов на другие явления, создавая новые институты на основе старых ритуальных форм»³³. По своей юридической природе эта деятельность напоминает аналогию закона, яркий пример которой приводит Р. Зом: когда между лицом, желающим получить титул собственности, и действующим собственником достигнуто согласие о передаче права, потенциальный приобретатель заявлял «фиктивный

²⁶ *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-е изд. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 49.

²⁷ *Bever T.* The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. London, 1781. P. 63.

²⁸ *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd ed. Oxford : Clarendon Press, 1907. P. 30.

²⁹ *Покровский И. А.* История римского права. Минск : Харвест, 2002. С. 18.

³⁰ *Дождев Д. В.* Римское частное право. М. : Инфра-М ; Норма, 1996. С. 18.

³¹ *Abbot F. F.* A History and Description of Roman Political Institutions. 3rd ed. Boston : The Athenaeum Press, 1911. P. 405.

³² *Покровский И. А.* Указ. соч. С. 18.

³³ *Дождев Д. В.* Указ. соч. С. 18.

виндикационный иск» к собственнику, который в судебном процессе публично признавал за истцом его право³⁴.

В остальном же, когда случай не требовал создания новых правовых формул, внимание юристов «было сосредоточено именно на адекватном (читай: буквальном. — П. Л.) понимании слов закона»³⁵. Последнее достигалось путем «объяснения значения слов Законов»³⁶, то есть грамматического толкования как наиболее распространенного способа интерпретации, признаваемого римским правом. Той же позиции придерживается и один из самых авторитетных ученых, исследовавших историю римского права, — Ф. Шульц³⁷.

Наряду с грамматическим толкованием, упоминается также и категория *aequitas*, заимствованная римскими юристами из трудов Аристотеля³⁸. Она воспринималась материальным элементом всего права: «С содержательной [стороны] оно [гражданское право] совпадает с *aequitas*»³⁹. Подобное позволяет судить об использовании римскими юристами II—I вв. до н. э. своеобразной вариации телеологического толкования, рассматриваемого в широком смысле. Целью любого законодательного установления они видели справедливость, а потому любую писаную норму можно и нужно было применять только в том значении, в котором она не противоречит торжеству *aequitas*. Примечательно, что техника телеологического толкования со времен Древнего Рима практически не претерпела изменений. Единственное отличие того времени — «отказ от выяснения намерения законодателя»⁴⁰ в пользу презумпции, что всё право создано ради достижения *aequitas* (абсолютная цель).

Наряду с грамматическим и телеологическим толкованием, римские юристы рубежа эпох предпринимают и попытки систематизировать знания о праве. Первой из них справедливо отмечена *Tripertita* Секста Элия Пета, в которой посредством простой компиляции собраны Законы 12 таблиц, позднейшие комментарии к ним и исковые формулы. Следом за Петом уже более систематизированные комментарии в форме «основных принципов права» попытался дать Марк Порций Катон. Как пишет Р. Зом, «это была попытка высечь статую из необработанной мраморной глыбы»⁴¹.

Однако важнейшим научным трудом, послужившим первым шагом на пути превращения «знаний о праве в науку о праве»⁴², была работа Квинта Муция Сцеволы, написанная в начале I в. до н. э. Как пишет Д. В. Дождев, ее концептуальным источником выступила диалектика Аристотеля, которая «предполагала анализ и синтез изучаемого материала»⁴³. С учетом примененных методов труд Квинта Муция Сцеволы есть первое применение систематического метода толкования разрозненного и фрагментированного права, выполненное с целью «примирить» между собой эти фрагменты и вывести из них общее абстрактное правило.

Факторы, повлиявшие на развитие толкования. Анализ шагов римской юридической мысли на пути становления и развития толкования позволил выявить качественный дисбаланс такого развития в сопоставлении с церковной экзегетикой. Представляется, что описанные выше шаги, предпринятые параллельно с развитием богословия, были скорее вынужденными, чем намеренными. До времен заимствования аристотелевской диалектики юристы Древнего

³⁴ *Sohm R. Op. cit.* P. 56–57.

³⁵ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 26.

³⁶ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 26.

³⁷ *Schulz F. History of Roman Legal Science.* Oxford : Oxford University Press, 1963. P. 30.

³⁸ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 30.

³⁹ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 30.

⁴⁰ *Schulz F. Op. cit.* P. 75.

⁴¹ *Sohm R. Op. cit.* P. 90.

⁴² *Sohm R. Op. cit.* P. 91.

⁴³ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 27.

Рима не мыслили абстрактными правилами и общими принципами: задача юриспруденции была казуистична — разрешить «конкретную жизненную ситуацию, а не мучиться над вечными проблемами методологии и, в частности, теории интерпретации»⁴⁴. Именно казуистичный характер права и предопределил теоретическое отставание в вопросах интеллектуального инструментария толкователя.

Помимо этого, причиной методологического разрыва могли служить и имманентные качества самих объектов толкования — их происхождение и ясность. Религиозные тексты и их нормативные положения священны по своему происхождению, а потому не позволяют открыто дополнять их методом аналогии. От церковного экзегета требовалось подкрепить «Писание Писанием»⁴⁵, то есть методологически аргументировать состоятельность своей версии, чтобы придать ей религиозный авторитет. Нормативные документы же подобной сакральностью не обладали, так как выводились толкователями казуистично из их собственных представлений «о взаимоотношениях людей и Бога»⁴⁶. Этому выводу вторит и социальный статус самих толкователей римского права — понтификов, которые не были «божьими избранниками, <...> а были представителями высшего сословия, достаточно состоятельными, чтобы справляться с делами государственной важности без угрозы подкупа»⁴⁷. Таким образом, «идея, что право даровано Богом, <...> начисто отсутствовала»⁴⁸, равно как и порождаемые ею характеристики текста. Именно благодаря свободе от религиозных гонений за присвоение статуса Бога при дополнении социальных правил римские юристы предпочитали попросту увеличивать количество

правовых предписаний, а когда требовалось не дополнить, а изменить закон, «любой гимназист мог аргументировать приоритет *aequitas* перед писанным правом»⁴⁹.

Ясность и лингвистическая простота построения текстов, безусловно, оказали свое влияние на развитие толкования. Как уже отмечено выше, Писание, в отличие от права, составлено двусмысленно и витиевато, что само по себе требует повышенных интеллектуальных затрат на его уяснение. Нормативные источники же были написаны яснее, что исключает необходимость применения специально разработанных методов поиска сокрытого смысла.

Влияние описанных факторов и самого толкования на развитие права Древнего Рима переоценить сложно. Неясность Законов 12 таблиц, которая породила множество толкований и, в свою очередь, плюрализм восприятия *aequitas*, привели к усилению контроля за юридической техникой в последующих законодательных источниках, которые стали «составляться профессиональными юристами, стремившимися к безоговорочной ясности, исключая всякое [небуквальное. — П. Л.] толкование»⁵⁰.

Развитие толкования отечественного права. В России официальный дискурс, посвященный толкованию, начал Петр I, издавший 17 апреля 1722 г. Указ «О хранении прав гражданских», в котором сравнил интерпретацию с «ловлей рыбы в мутной воде» и предписал правоприменителю «не дерзать иным образом всякие дела вершить и располагать против регламентов»⁵¹. Очевидно, что Петр I к толкованию относился негативно — видел его средством извращения текста созданного им закона, а потому заставлял правоприменителей на местах толковать

⁴⁴ Schulz F. Op. cit. P. 70.

⁴⁵ Вепклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

⁴⁶ Schulz F. Op. cit. P. 15.

⁴⁷ Schulz F. Op. cit. P. 6–7.

⁴⁸ Schulz F. Op. cit. P. 8.

⁴⁹ Schulz F. Op. cit. P. 74.

⁵⁰ Schulz F. Op. cit. P. 96.

⁵¹ Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 г. СПб., 1739. С. 60–61.

нормативные акты исключительно буквально. С этого началась почти полутравековая традиция, установившая полный запрет на интерпретацию законов. Последняя рассматривалась как посягательство на абсолютную власть суверена, который должен был единолично определять курс отечественной правовой системы, издавая необходимые нормативные акты и решая любые вопросы их реализации. Как пишет Л. П. Рассказов, в случае неясности правоприменители «были обязаны обратиться к монарху за разъяснениями»⁵². Причем, учитывая абсолютно неопределенные санкции памятников права петровской и последующих эпох (например, Артикул воинский 1714 г. предусматривал в качестве санкции требование «бить кнутом нещадно»), такие разъяснения были частым явлением. В то же время в доктрине преобладает мнение, что неопределенность правовых предписаний не всегда указывала на необходимость беспокоить монарха. В. И. Тюнин и Н. В. Радошнова пишут, что в таких случаях суды, как и римские юристы времен Законов 12 таблиц, прибегали к аналогии⁵³. Высказанная гипотеза вполне укладывается в существо взаимоотношений суверена и его подчиненных: аналогия прямо не подрывала авторитет октроированных правовых предписаний, а потому концептуально допускалась.

Подобное отношение к толкованию было характерно для абсолютных монархий — аналогичный нормативный запрет на любую интерпретацию установлен и в Баварском уложении 1813 г.⁵⁴ Во Франции Кодекс Наполеона 1804 г. занял прямо противоположную позицию, допуская судебное толкование даже путем выявления и применения «духа и разума закона»⁵⁵.

Во второй половине XIX в. отношение высших государственных органов России к толкованию сменилось с гнева на милость. Как отмечает Н. И. Биюшкина, в этот период Правительствующий Сенат как высшая судебная инстанция рассматривал интерпретацию скорее не как правоприменительный инструмент, а как основу судебного нормотворчества в попытках «решения сложной задачи восполнения пробелов в праве»⁵⁶. В то время «Сенат являлся сосредоточением механизма судебного нормотворчества в Российской империи... [которое] изначально было присуще деятельности Сената, однако окончательная институционализация произошла после Судебной реформы 1864 г.»⁵⁷, пишет А. Н. Верещагин. Как закономерно следует из процитированного исследования, методологической основой деятельности Сената являлась аналогия, которая и позволяла пополнять нормативную базу новыми установлениями. Тем не менее подобная практика представляла «исключение в развитии российского права, <...> нехарактерное для отечественной правовой традиции»⁵⁸.

Помимо Правительствующего Сената, после реформы 1864 г. даже ординарным судебным органам предписывалось толковать право. Как пишет про тот период И. В. Михайловский, «законодатель дает лишь основу правовой жизни, указывает общий путь; он не может предусмотреть все бесконечное разнообразие жизни», а потому «теория о судье как о механическом применителе закона была оставлена и заменена господствующей ныне теорией <...>, [которая] предоставляет суду значительные полномочия в деле толкования закона и определении раз-

⁵² Рассказов Л. П. Теория государства и права : углубленный курс. М. : РИОР : Инфра-М, 2015. С. 423.

⁵³ Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 83.

⁵⁴ The Use of Analogy in Criminal Law // Columbia Law Review. 1947. Vol. 47. No. 4. P. 614.

⁵⁵ Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2002. С. 287.

⁵⁶ Биюшкина Н. И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 92.

⁵⁷ Верещагин А. Н. О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 6.

⁵⁸ Биюшкина Н. И. Указ. соч. С. 92.

меров наказания»⁵⁹, «судья должен служить только одному праву, быть его первым и самым надежным охранителем и истолкователем»⁶⁰.

Советская власть, стремясь как можно быстрее поставить страну на путь противодействия контрреволюции, буквально в первые дни своего существования издала знаменитый Декрет о суде, в котором предоставила широчайшие полномочия по применению и интерпретации законов: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁶¹. По своей сути подобная посылка должна была обеспечить использование всеми судами своеобразного телеологического толкования. Отличием его от современной модели было только то, что судьи за методологическую основу принятых решений брали не «цель создания нормы», а цель ее применения в конкретном деле, которая определялась как «воспитание революционной совести и поддержание революционного правосознания»⁶². Решения судов, таким образом, вне зависимости от их законности и справедливости, были направлены на достижение именно этого результата, что превращало правосудие в политический, а не правовой инструмент.

Политизированность правовой системы и стремление наиболее оперативно реагировать на любые социальные девиации привели в том числе к прямому дозволению аналогии закона в уголовном праве. На основании ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. судьи фактически приобретали неограниченную свободу усмотрения при решении вопроса о преступности и наказуемости деяний. Просуществовав почти четыре десятилетия, это положение, нашедшее отражение в ст. 16 Уголовного кодекса РСФСР

1926 г., было упразднено после вступления в силу Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., который в ст. 7 прямо закрепил, что преступлением признается лишь такое деяние, которое прямо запрещено уголовным законом. Указанная норма окончательно вычеркнула аналогию из сферы уголовно-правовой интерпретации под угрозой отмены состоявшегося судебного решения как незаконного.

Выводы. Проведенный анализ, помимо смещения исторического периода, с которым связывается возникновение толкования и основных его методов, на V в. до н. э., позволил выявить ряд важных закономерностей развития интерпретации (как в целом, так и нормативной).

Ключевой из них является приоритет буквальной интерпретации над остальными результатами толкования. Выявленная закономерность характерна для не только права, но и для религии, которая, пройдя долгий и тернистый путь, окончательно закрепила его в качестве основного.

Вторая тенденция развития толкования как интеллектуальной деятельности демонстрирует его политизированность и «телеологичность» в широком смысле. Аналогично библейским экзегетам, толковавшим Писание таким образом, чтобы в конкретный исторический период оно было «достойным Бога», древнеримские понтифики придавали Законам 12 таблиц такое наполнение, которое бы отвечало их представлениям о справедливости и общественных интересах. То же явление было присуще и советским судам в первой половине XX в., которые руководствовались идеями революции при отправлении правосудия. Подобное умозаключение не вызывает удивления — и религия, и право всегда были и навсегда останутся сильнейшими социальными регуляторами, толкование которых не может оставаться без внимания и контроля государства.

⁵⁹ Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование // Известия Императорского университета. 1905. № 25. С. 68.

⁶⁰ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 106.

⁶¹ Декрет Совета народных комиссаров от 05.12.1917 «О суде» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶² Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 423.

Третья закономерность напрямую связана лишь с нормативной интерпретацией и нехарактерна для богословия. Ее содержание сводится к использованию аналогии в качестве средства восполнения пробелов при невозможности или нецелесообразности внесения изменений законодательным путем. Подобным образом со второй половины XIX в. разрешались сложные правовые вопросы или компенсировалось бездействие законодателя, в том числе в области уголовного права. Однако с 1960 г. выявлен-

ная тенденция правомерно скорректирована совместным действием принципа законности, запрета установления уголовно-правовых запретов *ex post facto* и аналогии.

Выявленные закономерности по своей научной ценности не только направлены на объяснение характера интерпретационной деятельности в ретроспективе, но и обладают серьезным потенциалом для объяснения ряда нынешних реалий нормативного толкования в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Афинская полиция. Государственное устройство афинян. — 2-е изд. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 254 с.
2. Библийская энциклопедия. — М. : Локид-Пресс ; Рипол классик, 2005. — 795 с.
3. *Биушкина Н. И.* Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2019. — № 6. — С. 92–98.
4. *Верещагин А. Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 11. — С. 4–33.
5. *Верклер Г. А.* Герменевтика: Принципы и процесс толкования Библии. Schaumburg : Gospel Literature Services, 1995. — 177 с.
6. *Гаджиев Х. И.* Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации // Журнал российского права. — 2023. — № 7. — С. 5–20.
7. *Дождев Д. В.* Римское частное право. — М. : Инфра-М ; Норма, 1996. — 704 с.
8. *Матвеев А. Г.* Защита права на наименование средства массовой информации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 9. — С. 10–18.
9. *Михайловский И. В.* Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование // Известия Императорского университета. — 1905. — № 25. — С. 1–336.
10. *Покровский И. А.* История римского права. — Минск : Харвест, 2002. — 528 с.
11. *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: углубленный курс. — М. : Риор: Инфра-М, 2015. — 559 с.
12. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права : в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М. : Статут, 2011. — 510 с.
13. *Тюнин В. И., Радошнова Н. В.* Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 2 (58). — С. 83–86.
14. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. — М. : Юрайт, 2002. — 432 с.
15. *Abbot F. F.* A History and Description of Roman Political Institutions. — 3rd ed. — Boston : The Athenaeum Press, 1911. — 451 p.
16. *Bever T.* The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. — London, 1781. — 515 p.
17. *Driedger E. A.* Construction of Statutes. — Toronto : Butterworths, 1983. — 385 p.
18. *Gabbay U., 2016,* Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (дата обращения: 17.10.2023).
19. *Schulz F.* History of Roman Legal Science. — Oxford : University Press, 1963. — 375 p.

20. *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd Ed. — Oxford : Clarendon Press, 1907. — 606 p.
21. The Use of Analogy in Criminal Law // *Columbia Law Review*. — 1947. — Vol. 47. No. 4. — P. 613–629.

Материал поступил в редакцию 19 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustroystvo afinyan. — 2-e izd. — M.: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1937. — 254 s.
2. Bibleyskaya entsiklopediya. — M.: Lokid-Press; Ripol klassik, 2005. — 795 s.
3. Biyushkina N. I. Akty tolkovaniya Pravitelstvuyushchego Senata deystvuyushchego zakonodatelstva Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. — 2019. — № 6. — S. 92–98.
4. Vereshchagin A. N. O formakh sudebnogo normotvorchestva v Rossiyskoy imperii // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. — 2014. — № 11. — S. 4–33.
5. Verkler G. A. Germenevtika: Printsipy i protsess tolkovaniya Biblii. Schaumburg: Gospel Literature Services, 1995. — 177 s.
6. Gadzhiev Kh. I. Sudebnaya ritorika kak faktor effektivnosti pravovoy argumentatsii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2023. — № 7. — S. 5–20.
7. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo. — M.: Infra-M; Norma, 1996. — 704 s.
8. Matveev A. G. Zashchita prava na naimenovanie sredstva massovoy informatsii // *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*. — 2021. — № 9. — S. 10–18.
9. Mikhaylovskiy I. V. Osnovnye printsipy organizatsii ugovnogo suda. Ugolovno-politicheskoe issledovanie // *Izvestiya Imperatorskogo universiteta*. — 1905. — № 25. — S. 1–336.
10. Pokrovskiy I. A. Istoriya rimskogo prava. — Minsk: Kharvest, 2002. — 528 s.
11. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyy kurs. — M.: Rior: Infra-M, 2015. — 559 s.
12. Savini F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 1 / per. s nem. G. Zhigulina; pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. — M.: Statut, 2011. — 510 s.
13. Tyunin V. I., Radoshnova N. V. Analogiya ugolovnogo zakona kak instrument kriminalizatsii deyaniy // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. — 2013. — № 2 (58). — S. 83–86.
14. Cherdantsev A. F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya vuzov. — M.: Yurayt, 2002. — 432 s.
15. Abbot F. F. A History and Description of Roman Political Institutions. — 3rd ed. — Boston: The Athenaeum Press, 1911. — 451 p.
16. Bever T. The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. — London, 1781. — 515 p.
17. Driedger E. A. Construction of Statutes. — Toronto: Butterworths, 1983. — 385 p.
18. Gabbay U., 2016, Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (data obrashcheniya: 17.10.2023).
19. Schulz F. History of Roman Legal Science. — Oxford: University Press, 1963. — 375 p.
20. *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd Ed. — Oxford: Clarendon Press, 1907. — 606 p.
21. The Use of Analogy in Criminal Law // *Columbia Law Review*. — 1947. — Vol. 47. No. 4. — P. 613–629.